

Игорь Верещенский

*Человек,
который открыл*

*все
двери*

16+

Игорь Анатольевич Верещенский

Человек, который открыл все двери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35970395

SelfPub; 2018

Аннотация

Великий дар был дан ему судьбой. Дар, чтобы понять себя, чтобы исцелиться. Часто люди сетуют на нехватку возможностей. Но одними ли возможностями предопределены наши действия? Сколько не было б у нас путей, увы – не красота дороги определяет выбор. Эта история о человеке, который мог бы свершить очень много хорошего, но поддавшись своему тщеславию, выбрал путь, ведущий в ад. В оформлении обложки использованы материалы сайта pixabay пользователя "xusenru" по лицензии ССО

«Сан-сааа-саад-хаши». А что, если попробовать?

Он встаёт, подходит к двери... и произносит шёпотом, с пугливой хитривостью, поддразнивая сам себя и сам себе не веря, растягивая шипящие и шевеля одними губами: «сан-сааа-саад-хаши». Ручка поворачивается и дверь бесшумно отворяется на всю ширину...

Звали его Анатолий. Страшная истина, суть мироздания интересовала его; откуда всё пошло и чем закончиться, и он точно знал, что ответ на эти вопросы есть, и проблема лишь в том, как его найти. Он искал всю сознательную жизнь, уже с десяти лет начиная задумываться над тем, почему всё именно так, а не иначе. От восхода солнца на востоке до роста плесени на забытом куске хлеба – постоянно он задавал вопросы бабушке, с которой обычно проводил время, а она отвечала всегда одно: так должно быть. А почему должно, и именно так, она не отвечала. Или говорила: «так заведено» или «такова воля Господня». На вопросы о том, кто такой этот Господь, и почему он именно так захотел, она давала довольно туманные ответы, которыми его пытливый мозг не мог насытиться, а то и вовсе называла его почемучкой и просила не докучать болтовнёй. Но Анатолий не унимался. Едва он научился осознанно понимать, о чём пишут, он прочёл всю литературу на тему теологии и мироздания, и пришёл к выводу, что большей белиберды в мире ещё не создано. Каждый гнул кто во что горазд, придумывал свои правила

для своей религии, а почему правила должны быть именно такими, объяснений не было нигде. Время шло, и путаница в его голове усиливалась с каждым прошедшим годом. Он рос раздражительным и вечно недовольным, вечно искал ответы и не находил их. Чтобы хоть немного отдохнуть, он пытался просто ни о чём не думать, однако в голове его тут же возникал вопрос, почему мыслительная деятельность так утомительна. И он проваливался в сон, и снилось ему, что он находит ответы, но как только он просыпался, врождённый реализм его уничтожал все чудеса мира грёз.

Повзрослев, он стал нелюдимым и злым. Злился на то, что не понимал, как бабушка может радоваться внуку, раз старость – величайшее проклятие человеческое – подобралась к ней; как влюблённые могут улыбаясь и держась за руку брести под зонтом в промозглый вечер, потому как если человек и может согреть себя, то только физическим трудом, но ни как ни чувствами; да и как вообще можно радоваться восходящему солнцу, если ты не знаешь точно ни свою роль, ни его. Простое человеческое счастье было недоступно ему, потому как не мог он понять его простоты.

Как-то раз, когда он ехал в переполненном трамвае и с праздным интересом разглядывал пассажиров, дивясь посредственности простых людей. Какой-то мужчина рядом с ним, лет сорока пяти, по телефону, скорее всего с супругой, обсуждал, в какой магазин лучше пойти, и настаивал, что идти надо непременно в «Ленту», так как там, со скидкой,

«Лаврские» пряники стоят сорок три рубля, в «Окее» – сорок пять, а в «Пятёрочке», что в их доме, так и вовсе сорок семь (при том, что проезд в трамвае стоил сорок), и обсуждал он это в течении нескольких минут, плавно переходя на другие продукты. Его ровная, лишённая какого-либо оттенка речь взбесила Анатолия до того, что он, кинув в сторону раздражителя испепеляющий взгляд, которого тот и не заметил, вышел из трамвая и сел в другой – настолько разозлила его ничтожность и пустота жизни этого мужчины: как можно докатиться до такого – тебе за сорок, а ты обсуждаешь, в каком магазине дешевле пряники... ему самому ведь было дано великое счастье не работать, получая небольшой, но стабильный доход, и скромно жить, посвящая всё своё время изучению естества. И смутила его не столько денежная экономия – он и сам на многом сэкономил – а то, что подобную мелочь можно с кем-то обсуждать, то есть – тратить на это время не только своё, но и чужое. Другой раз, когда он зашёл в магазин купить себе осеннюю куртку, потому как не позволял ходить себе в обносках, правда больше из уважения к окружающим, нежели к самому себе, вместе с ним зашла семейная пара лет пятидесяти, и муж, немного пузатый, невысокий, ничем не примечательный мужчина с залысиной – рабочий класс, как определил Анатолий – заявил, когда продавец предложила ему подходящий вариант, что он не может позволить себе куртку за семь тысяч рублей. Анатолий вышел, сделав кислую мину – чем можно гордиться в

жизни, если в подобном возрасте ты не можешь позволить себе средней цены вещь? Благополучие в его понимании во многом состояло из материального дохода – будучи реалистом, он видел в этом единственную реальную ценность, хоть и отказывался признавать гротеск подобной ситуации, а потому любил деньги и ненавидел их одновременно.

Однажды, когда ему было уже около тридцати, он был симпатичным молодым человеком, но жил один и как слепой котёнок блуждал среди бесконечной недосказанности, приснилось ему друг, что он листает старинные книги с какими-то иероглифами. Как обычно во сне, он пытался но не мог ничего разобрать даже среди знакомых вроде бы букв и символов, но вот перевернул он страницу, и увидел слова, но не прочёл их, а услышал чётко-чётко, словно произнёс их невидимый диктор внутри его головы:

«сан-сааа-саад-хаши».

Анатолий тут же проснулся, но лишь от того, что захотел в туалет. Слова продолжали отзываться эхом, точно сон ещё не закончился. Он встал, подошёл к двери из комнаты в коридор и прошептал заклинание – и пол под его ногами точно уплыл в неведомую тьму. Не чувствуя себя, он добрался до туалета, произнёс то же самое перед дверью туда, и она распахнулась тоже. Сделав все свои дела, сознанием при том пребывая где-то совсем в другом месте и времени, он повернулся – дверь оставалась открытой, ведь изумлённый

этим чудом он не рискнул закрыть её рукой. Полагая, что заклинание подействует и в обратную сторону, он прошептал его снова, но тут что-то резко брякнуло, словно упал на бетонный пол кусок рельса, и Анатолий проснулся – теперь по– настоящему, и с разочарованием обнаружил себя в постели, носом у самой стены и с поджатыми к животу коленями. Так опротивевшая ему реалистичность положения вошла кинжалом в сознание, добавило реализма ещё и то, что ему по-прежнему хотелось в туалет. Он решительно встал; звучавшие во сне слова продолжали вертеться в голове. Подойдя к двери, он произнёс их – разумеется, ничего не произошло. В негодовании он пихнул дверь, добрёл до туалета, опорожнил мочевой пузырь и, не заметив существенного облегчения, с чувством крайней несправедливости вернулся в постель. Тут же его неутомимый мозг родил вопрос: почему во сне возможно всё, а наяву – почти ничего из того, что снилось? Кроме как «подразнить» ответа не нашлось. Перед тем, правда, как лечь, он записал эти слова на полях валявшегося на столе научного журнала с целью изучить их позже.

Утром он, как положено, съел на завтрак кашу, выпил чай с бутербродами, и лишь потом уселся за заваленный всякой научной литературой стол. Накарябанные ночью слова как выжженные красовались на полях журнала, как раз рядом с сообщением о том, что разгадана одна из тайн пирамиды Хеопса. Он посмотрел на них с недоверчивым смущением: каким же надо быть идиотом, чтобы поверить в эту чушь!

Он припомнил, как шептал их ночью у двери, и его пробрал самоуничижительный смех.

Днём Анатолий посетил пару лекций в публичной библиотеке, прочёл там же пару научных статей, не вносящих ровным счётом никакого прояснения в то, чему были они посвящены, а вечер провёл изучая переулки старого города, прислушиваясь к их мрачным стенам и жалея, что не может слышать их – иначе многое стало бы понятно. Ему всегда казалось, что истину нужно искать именно в древности: современность не в состоянии её родить, потому как сама по себе мёртворождённая.

Вечер был ветреным и дождливым. С юга надвигалась грозовая туча, раскалывая небо неровными яркими линиями. Глухими раскатами доносился гром, и выли от содрогания воздуха сирены припаркованных машин. Недалеко за городом пару раз вспыхнуло странное зарево, сопровождаемое запаздывающим треском. Источник его явно располагался на земле. Анатолий безразлично добрёл до своего дома, зашёл в подъезд, открыв дверь при помощи ключа-таблетки, вызвал лифт. Новый удар грома всколыхнул воздух, и весь дом загудел и завибрировал. Жил он на последнем, двадцать втором этаже. Мелькнула мысль, не лучше ли пойти пешком, но Анатолий счёл, что это слишком долго и, главное, необоснованно: лифты сейчас надёжные и вряд ли что может произойти от небольшой вибрации, да и кабина уже подъехала. Он зашёл внутрь и нажал кнопку с номером 22,

одну из наиболее хорошо сохранившихся, поскольку там было всего две квартиры – остальную часть этажа занимали технические помещения. Лифт привычным рывком набрал скорость и пополз вверх, изредка скрежеща, ударяясь о направляющие планки. Анатолий спокойно смотрел на перебегающий от цифры к цифре огонёк на панели с кнопками. Очередной раскат донёсся совсем глухо, однако лифт вдруг вздрогнул и замер. Погас свет. До нужного этажа он не доехал совсем чуть-чуть. Повисла тишина; аварийное освещение не зажигалось. Пару минут Анатолий, оцепенев не столько от страха, сколько от неожиданности, стоял посреди кабины как свечка, потом достал телефон и, осветив им панель управления, нажал на кнопку «вызов», но ничего не последовало. В необъяснимой надежде на чудо он методично понажимал все кнопки, как иногда несколько раз щёлкаешь выключателем, зная, что света всё равно нет. И связи на телефоне, как ни странно, не оказалось. Наверно, грозой повредило антенну. Шум дождя и ветра доносился еле слышным шорохом. Однако последний, должно быть, был довольно сильным, потому что кабину слегка покачивало, то есть дом – точечная высотка на один подъезд – отклонялся от вертикали, и всего нескольких миллиметров смещения было достаточно, чтобы лифт на тросах перемещался от одной стены шахты к другой и гулко ударялся о стальные направляющие.

Находится внутри было мягко говоря неуютно. Анатолий

всё так же стоял посреди кабины, и страх, зародившийся в сознании, медленно стекал по его телу, точно накрывая холодным пологом. Мысль о том, что под тобой находится двадцать этажей глубины, спокойствия не добавляло. Вообще он побаивался высоты, однако специально поселился на последнем этаже, чтобы не слушать соседей сверху. Кроме того, методом борьбы со своими страхами и выбрал делать то, чего боишься, однако почти ничего из этого не делал, а лишь упивался осознанием того, что ему известен путь к победе. Помощи тоже ждать было не от куда – свет, скорее всего, отключили во всем доме, если не районе, и жители в испуге забились по квартирам. Анатолий всматривался в щель двери, но нигде не было ни огонёчка. Вдруг наверху раздался треск и полетел, отражаясь от стен, вниз по шахте. Кабину осветило снаружи белой вспышкой, яркое лезвие света ворвалось внутрь через дверную щель. Помимо треска донёсся и металлический звон, показавшийся Анатолию знакомым. Лифт качнулся и словно осел и потом подпрыгнул, как если бы был на пружине. Тут уже вполне животный ужас охватил его с ног до головы – он кинулся к дверям и попытался разжать их, нашарив стык. Двери не поддавались; он только сломал пару ногтей. Всё происходящее больше всего напоминало сон, усиливало это впечатление и то, что он ровным счётом ничего не видел. В голове вдруг всплыли те слова – он увидел их, точно они были написаны огнём на чёрной поверхности. Буквы серебрились и плыли, медленно растворя-

ьясь во мраке. «А вдруг получится?». В критических ситуациях иногда выход бывает совершенно непредсказуем. Анатолий сделал полшага назад, изо всех сил своего могучего воображения представил себе двери перед собой и произнёс: «сан-сааа-саад-хаши». И к его изумлению, те с лязгом раздвинулись, даря ему путь к спасению.

Перекрытие этажа находилось повыше колен – лифт совсем чуть-чуть не доехал до нужного места. Этажные двери были закрыты; в их щель просачивался еле заметный свет лестничной площадки, доходящий, в свою очередь, с улицы. Анатолий внимательно уставился на закрытые наружные двери и повторил заклинание – и те тоже отворились. Он забрался на этаж, и на стене различил знакомые ему чуть подстёртые цифры «22». Не понимая толком, что сейчас произошло, он кинулся к своей квартире и лихорадочно начал рыться в сумке и карманах куртки в поиске ключей – но их нигде не было. Он вспомнил, как что-то звякнуло, когда он карабкался из кабины на этаж – видимо, это они и выпали. Сколько раз он обещал себе научиться застёгивать карман на молнию, и сколько раз обнаруживал его раскрытым! Хорошо хоть, что те же ключи он выронил всего дважды и быстро их нашёл, вернувшись назад. Впрочем, его обещания себе заканчивались, как правило, вопросом, почему человек что-то не может запомнить и с десятого раза, а что-то запоминает сразу же. Сия навязчивая мысль возникла даже сейчас. Он оглянулся – раскрытая шахта зияла как чёрный провал

– нет, туда он за ключами не полезет! Тем более, они ведь могли попасть в щель между полом лифта и стеной шахты, то есть вообще оказаться на первом этаже. Тогда он повернулся к двери квартиры, очерчил её взглядом, представляя её как единое целое, но отдельное от стен и потолка, и проговорил: «сан-сааа-саад-хаши». Щёлкнул замок, и дверь распахнулась ему навстречу. Он заскочил внутрь и запер её за собой.

Долго Анатолий не мог опомниться. Он подошёл к окну – вокруг всё было темно, и лишь небо иногда озарялось белыми вспышками. Свет выключился во всём районе; наверно, что-то произошло из-за бури. Но это уже интересовало его меньше всего. Заклинание работает! Он поверить не мог. Долго ходил по комнате, брал в руки привычные предметы, разглядывал их, пробовал на вкус поочерёдно все продукты, что были на кухне – всё чтобы убедиться, что это не сон. Щипал себя, открывал книги и читал пару строк, считал в уме и вспоминал известные факты истории – и всё свидетельствовало о том, что *он не спит!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.